

Руслан СИДОРОВ

Поэтические сочинения

Книга вторая

В краю апостольства

**Новокузнецк
2019**

Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя

Руслан СИДОРОВ

Поэтические сочинения

Книга вторая

В краю апостольства

Новокузнецк
2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С 34

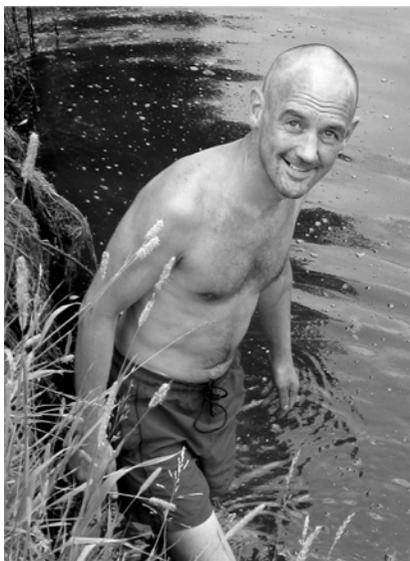
Сидоров Руслан Геннадьевич

Поэтические сочинения : книга вторая : **В краю апостольства** : стихи / Руслан Сидоров ; составитель – Сергей Ерофеев, редактор – Татьяна Николаева ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя. – Новокузнецк, 2019. – 67 с.

16+

Вошедшие в книгу тексты приведены к единообразному и наиболее простому для восприятия творчества Руслана Сидорова виду: все строки поэтических текстов начинаются со строчных букв, за исключением случаев начала нового предложения или употребления имён собственных.

© Руслан Сидоров

СИДОРОВ
Руслан Геннадьевич

(1968 – 2013)

A handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a long horizontal stroke at the end.

Апостол «здесь-небытия»

Я здесь был хронически счастлив...
Руслан Сидоров

Абрамцево, Мураново, Шахматово, Константиново... Калачёво. В «краю апостольства», земную жизнь пройдя «уже до сколько», Руслан оказался по собственной воле. «Недоучившийся учитель» должен был доучиться, понять – как превратить городского пацана и отчаянного гуляку-рифмоплёта в подлинного служителя Слова – большого русского поэта. Понять и превратить.

А без чего немислим большой русский поэт? Без родового гнезда с пыльными томами библиотеки и запущенным садом, без томно вздыхающего по осени березняка и «заросшего рогозом» озера, без вечно живой и потому архаичной деревни – с дымами, заборами, банями, румяными девками «на выдан» и трудным, но таким близким, неизживаемым крестьянским бытом.

Здесь – в старинном селе на краю Салаирской тайги, на смысловом перекрёстке, где проходили древней Калмыцкой дорогой в забытые ханские ставки гружёные караваны верблюдов, где тянули возы с Сухаринской рудой клячи алтайских заводов, где рубились в честном бою с казаками татарские рати, где проезжал «плохо писавший хорошие вещи»* будущий мировой классик, – поэт обрёл Слово, а слово обрело своего Поэта.

Именно Калачёво сотворило из Руслана литературу, научило его перерастить былого себя. Его лавкой и партой стал ветхий усадебный дом со сводчатыми высокими потолками, латунью дутых дверных ручек в светлице, разлапистым клёном у ворот. Дом – свидетель той, старой России – России Аксаковых, Тютчевых, Блоков, Есениных... Свидетель революции, коллективизации, дом, побывавший и коммуналкой, и школой. Спустя годы Руслан отдал за него жизнь – земную жизнь. В собеседники и соседи он избрал «жреца языка»

* *Человеком, писавшим плохо хорошие вещи, Руслан на авторском вечере в Новокузнецке охарактеризовал Ф.М. Достоевского (12 января 1999 года).*

Бродского, «Марину, Анну, Юнну», Рыжего и Мандельштама, Клюева и Чичибабина. А садом...

...садом служили окрестные леса и луговины, прозрачные, напитанные светом колки, топкие глинистые берега прудов и речушек. На этих берегах, надёжно укрытый от суеты мира, с удочкой и карандашом за ухом, он рифмовал «на предбанник – любовь» без всякого пиетета к «толстым» столичным журналам. Учась безмолвной и чистой любви у красавиц-берёз, у яркой палитры неба, фиолетовых хрустальнокрылых летуний и проплывающих по воде пятипалых оранжевых листьев, – он облакал их в слова, освобождая от формы, укладывал на листок как кирпичики личного и ещё небывалого – нового мира...

Поэт жив Словом, а Слово творит миры. Но природа – гласят нам учебники – пустоты не приемлет. Пустоты нет. Места новому нет, пока не отойдёт прежнее. Лишь достигнув «здесь-небытия», как «абсолютного и вопиющего» отрицания бранных ценностей неосмысленного существования, и можно создать свою Ойкумену, личную поэтическую Вселенную. Засучив рукава и затянув пояс шлафрока, вооружась чаем и чанем*, готовый ко всему, как «вчерашние пионеры» советской страны, Руслан превращал жизнь в стихи и себя – в Поэта.

В полноте описать жизнь Словом – есть бессмертие. Собеседники учили Руслана бессмертию. Берёзы – учили бессмертию. Закаты – учили бессмертию. Крикнешь над плёсом: «Броций!.. Горадский!» – «Бессмертье!» – ответит страдалица нимфа**. Лишь превратив себя в Слово и раздав его людям, можно жить вечно. Жить в тысячах жизней и значит – жить вечно. Быть свободным от смерти. Быть свободным. А не это ли – быть Поэтом?

Калачёво... В «краю апостольства», земную жизнь пройдя «уже до сколько», Руслан оказался по собственной воле. «Недоучившийся учитель» доучился, понял, как превратить городского пацана и отчаянного гуляку-рифмоплёта в подлинного служителя Слова – большого русского поэта. Понял и превратил.

Сергей Ерофеев

* Чань (чань-буддизм) – одна из школ буддизма. Упоминание о чане, как инструменте мирозерцания часто встречается в творчестве Руслана.

** Речь идет о нимфе Эхо – персонаже древнегреческого мифа.

* * *

Прояснилось. Снег прошёл. Хорошо.
Даже серость заблестела, искрясь.
Уходящим для лететь – посошок.
Восвояси возвращается князь.

Там пенаты его помнят и ждут.
Жив диван, где пацаном ночевал.
Там пылится позабытый ввиду
окончанья школы школьный пенал.

Почти двадцать лет – ожоговый стаж:
перемены этажей, жён, зарплат.
Вёрст достаточно, и станем верстать
опыт пата на посту ремесла.

Занавесим окна тяжестью штор,
променяем телевизор на штоф.
И пусть даже déjà vu, ну и что?
Позабудем про вчера для потом.

Прояснилось. Опустев, облака
по эмали бледной сини скользят.
И нельзя уже вернуться никак
к чему было. Хорошо, что нельзя.

* * *

Идёшь, собачий лай минуя.
В лицо кусается зима.
И одесную, и ошую –
одноочитые дома.

Темно. И вкусно пахнет снегом,
негородским и молодым.
Из труб, искрясь, уходит в небо,
как детство, первобытный дым.

Днём скудно. Ночью слух и запах
славянофильствуют, служа
воображению, и запад
зарезан месяцем ножа.

Земля Сибири – не Рассея,
но небо общее, прикинь! –
ведь это Клюев и Есенин
швыряют с Млечного «снежки».

Попали. Воротник от снега
отряхиваю и, смешок
в душе упрятавши, «снежок»,
как детство, возвращаю в небо.

* * *

Хочу, чтобы – лето сейчас
и столик в саду меж сиреней,
и ты бы варила варенье,
а я бы заваривал чай.

И пчёлка б жужжала пускай
над чашкою розовых пенек,
а в небе уже постепенно
пунцовил закат облака,
коровы бы шли по домам
с парною и вкусною ношею...
Чего бы ещё-то хорошего?
А нечего больше.

Зима.*

* Стихотворение разбито на строфы.

Март

Хмелеет юным мартом голова.
Хоть пасмурно, но трепетно и нежно.
Уже весна вошла в свои права,
и тёплый ветер ласковый прилежно
льда вертикаль доводит до слезы,
наискосок летящей, несолёной...
Нам заново разучивать азы
науки лёгкой и земной: влюблённость,
где так легко экзамены сдавать –
неподготовленным, безумным, бесшабашным...
Хмелеет юным мартом голова,
и тянется к бумаге карандашик.*

* Стихотворение разбито на строфы.

* * *

Нас пустила бабушка на постой.
Разложила парами по углам.
Сколько лет прошло? Тридцать? Сто?
Я не помню. Но помню, что – тыбыла.

Тыбыла – это слово. Его создав,
Творец увидел, что – хорошо.
Тыбыла – в сене. Тыбыла – звезда.
В косном горле комом застрял стишок.

Не люблю эпитетов: тыбыла.
Сущим существительным: тыбыла.
Наречённой собственной: тыбыла.
Я имею право иметь крыла.

* * *

Телесен вечер тесных тёплых встреч
скворцов с землёй, земли – с зерном и небом.
И ласкова вокруг родная речь,
и хлебный квас – кислинкою по нёбу,
и всё... «И всё? Ради такого жить?»
«А разве мало?» – и ладонь на губы...
Багрово-красной нитью вечер шит
так... нежно... нежно-нежно... нежно-грубо...

* * *

Апрельский день – прозрачный и высокий.

Льют льдинки золотые бубенцы.

И небо – нарисованное солнцем.

И небом – нарисованы скворцы.

Два чуда в перьях, в переливах, в пенье,

и тенькает по луночкам вода...

И то ли ток, гудящий в проводах,

а то ли так – крови сердцебиенье.

И все поют о чём-то в том же роде –

о чём вчера, о чём и я пою:

о главном – о любви и о погоде,

о том, что так прекрасен их союз.

* * *

Небо, нарисованное кошкой.
Месяц май. Деревней пахнет лес.
В тишь играет за рекой гармошка –
рассказать про счастье на Земле.

По ночам уставшая природа
шебуршит, шевелится, жужжит,
и земля, устав от хлебобобов,
мягкая и влажная лежит.

Отдыхает глаз от злобы света
в камышах, чернеющих в росе,
где с икрой играют до рассвета
свадебные пары карасей.

И простая истина забьётся
рыбой на невидимой лесе –
надо верить. Всё опять вернётся.
Всё вернётся, и вернутся все.

* * *

Сирень сизокрыла, и семь голубей –
как крупные гроздья под ней понарошку
щекотно клевали от булочки крошки
с ладони моей и ладошки твоей –

с той розовой, ласковой, узкой ладошки,
которую только что дождь целовал.
Неделя для счастья – достаточно долго,
особенно если живешь одна.

Тебе было только шестнадцать тогда:
недетская женственность, опытность крови.
И ночь, разметавши, срывала покровы,
и снова взрывалась сверхновой звезда.

Семь дней, семь ночей и четырнадцать зорь –
лазоревых зорь сизокрылой сирени.
Неделя для счастья светлей и воскресней
бракованных лет, обручённых слезой.

Сирень сизокрыла, и семь голубей
щекотно склевали от булочки крошки,
и плыли по лету в плену тополей
в ладони – ладонь.

Нет – в ладони ладошка.

* * *

Дружить с цветами, кошками... Любить
прохладу неглубокого распадка,
где родничок, свой срок в нутре избыв,
рождается на свет без боли схваток...

Быть равным птице, что гнездо совьёт
старательно, ненадолго и дальше
по жизни продолжает свой полёт,
не памятуя то, что покидает...

Подолгу глядя в реку и в огонь,
в текучесть – первообраз постоянства,
немного догадаться о Другой,
и ничего большого не бояться.

* * *

Импрессия сирени. Утро. Сад
весь в кляксах фиолетовых. И солнце
заполнило собою небеса,
рассеявшись сквозь синие высоты.

Мух изумрудных свадебный полёт.
Латунные летуны – за нектаром.
Вечногундосый толстячок шмелёк
взыскует истины на донце стеклотары.

Цветы, цветы, цветы... Цвета и свет.
И не поймёшь, какой сегодня возраст.
Здесь – всё равно – в сиреновой траве.
Там – на горе – равны кресты и звёзды.

Пусть спеет утро, наливаясь днём,
шмелёк – вином, что твой раблезианец.
И я лежу, счастливейший из пьяниц,
мир посетивший, чтобы спеть о нём.

Без ума

Я лягу на солнце и буду лежать
и слушать, как травы от ветра дрожат,
как жар остужать будет ветер.

Я глаз не открою, услышу и так,
что это кузнечик чирикает в такт
шуршанию крови по вене

травы луговой и Земли круговой
и сродственной той голубой локтевой,
возвратной к рабочему сердцу.

Услышу, как вянет на солнце трава,
и ветер навеет простые слова –
что смерть пахнет клеверным сенцем...

Что песня кузнечика – солнечный туш
и нежному клеверу – траурный марш.

Бессмертно и ветрено пение душ.
И горя мне нет

без ума.*

* Стихотворение разбито на строфы.

* * *

В краю апостольства задумчивых берёз,
у озера, поросшего рогозом,
глазеть на фиолетовых стрекоз
и поплавок. И ничего другого
не замечать в рассветный час. Часы
оставлены в оставленной квартире.
Здесь – запах ряски. Поплавок косым...
Подсечка... оба-на! – почти четыре
десятка «поросёток» карасей
легло в ведро. Ну и довольно, братцы.
И – босиком по розовой росе –
идет босяк, насвистывая Брамса.
Как хорошо перенестись назад
в четырнадцатилетие и лето,
вновь пережить блаженство и азарт
и записать, как пережил всё это.*

* Стихотворение разбито на строфы.

Как пишутся стихи

(разговаривая сам с собой)

Раз и два, и три, четыре, пять.
Заяц возвращается с прогулки.
Ходят кони над рекою. В гулком
предночном подлунные летят...

– Кто летит? – Допустим, комары...
или птицы. – Птицы?.. тоже можно.
Новолунье – цедрою лимонной.

Пёс, зевая возле конуры,
чесет ухо третьею ногой.

– Третьея нога? Ты чё, Боб Марли?
– Подожди...

Вечёрошний надой
в банке трёхлитровой и под марлей.

– Слушай, с чашелистиками? – Без.
Пять минут на перебрать малину.

С молоком хлебать. Тепло. Лениво.
И чуть-чуть лимонно от небес.

Ода даче

Июльским утром выйдешь на крыльцо.
Хоть солнце рыже, но еще свежо, и
искрится диамантовой росой
смарагдом густо-налитый крыжовник.

На босу ногу кеды и – бегом
под лай собак соседских до обрыва,
где омут с родниковым кипятком
смывает сон и делает счастливым.

И – в плеск до плёса, где тепла вода,
и буйство крови в мускулах упругих,
и крошат реку кролем крылья-руки,
и нету сил со счастьем совладать.*

* Стихотворение разбито на строфы.

* * *

*Станешь ты Осирисом иль Хором,
Бастед или Хнумом или Птахом.*

Е. Рейн

Птахи утром песни распевают,
молят быть Осирисы и Хнумы...

Я ведь ничего про них не знаю,
про богов, поэтому угрюмый.

Мне не нужно грамот Шампольона,
мне бы: щебет, свисты, переливы.

Быть как Птах: божественно-влюбленным,
или Хор: божественно-счастливым.*

* Стихотворение разбито на строфы.

* * *

Бывает время штиля,
и хорошо под солнцем,
коричневая стильно,
нырять, купаться, сохнуть,
жить в чистом Чевенгуре,
большом и одноместном,
на птах смотреть, авгурить
в молчании немецком.

Бывает время ветра,
секущих капель, или
бурана без просвета
и света, что бессилён.
И хорошо у печки
хлепать чаёк с малиной,
лабая в ритм словечки
в молчанье молчаливом.

Бывает время – лажа.
Погода ни при чём тут.
Блестит на солнце сажа
иль снег, от сажи чёрный.
Бывает – скрипнут зубы,
и желваки – навыват...
В ухмылке плотной – губы,
к молчанию привыкнув.*

* Стихотворение разбито на строфы.

* * *

Можно стать тише, тише, ещё потише
шёпотом пыльной травы, листвы, ты слышишь?
Это ж июль. Жара. Солнце льётся, льётся.
Разве что два ведра, вытащенных с колодца
вынудят вскрикнуть. Но вновь наступает тихо.
Точно в немом кино: блёсткая гладь, пловчиха,
ива, носки, трусы, взвешенные на ветках,
тапочки, в них часы и ключи. И ветра
можно прождать всю жизнь. Лень доходить до глади.
Перевернись. Лежи. Подушкой – лист тетради.

* * *

В Сибири. Летом. Жарко. Ты – лежишь.
Река – бежит. Тайга – стоит. Погода –
безоблачна. Безлюдно. Ни души.
Бесчеловечно царствует природа.

Здесь ты – весёлый раб. Ты червь песка.
Малёк воды. Молекула блаженства.
Сознания беззвучность. Из движенья –
лишь жилка голубая вкривь виска.
Лишь крылышки дневного мотылька.

* * *

Истоптавши столько башмаков,
лопотать божественную чушь
я учусь у мелких мотыльков,
возжигающих собой свечу,
дожидаясь третьего звонка,
заклѳчѳнный временем в пространство...

Не у Бога, а у мотылька –
к самовозгоранью постоянство.*

* Стихотворение разбито на строфы иначе, чем в первоначальном авторском варианте.

* * *

По синему лугу сквозь млечный туман
чернела тропа до пруда,
где Таня сводила соседа с ума,
купаясь одна без стыда.

Взлетала уклейка над лунной водой,
вдыхал краснотал в небеса.
Не свёрстано сено в стога за прудом,
и клевером пахнет коса.*

* Стихотворение разбито на строфы.

* * *

Милые лилии белые,
молочное тёплое озеро,
красные переспелые
земляники в озелени,
белых берёз становище
розовеем тумана обнято,
и никак не привыкнешь к новому:
поутру просыпаться в облаке.
Выслушать песню иволги,
выпить таволги воздуха,
позабывать некрасивое.
Плыть озером.*

* Стихотворение разбито на строфы.

* * *

Солнечное масло облаков
мажет акварель небесной сини.
Воздух густ, и ветер обессилел.
Озеро – парное молоко.

Низовой, тягучий мык быка.
Выстрелы бича. Жужжанье мухи.
Муравей субботний тащит мусор.
Гул товарняка издалека.

Лень, июль, каникулы, жара,
треуголка из газеты «Уголь».
Жаркие находчивые губы –
всё знакомо: родинка и шрам.

Сколько лет... Когда это и с кем –
кто-нибудь, небось, себя узнает:
был родник, вода была вкусна, и
губы их встречались в роднике.

Июль

На даче. Лето. А.П.Чехов.
Всё точно, как сто лет назад.
И городскому здесь помехой
ограда, огород и сад.

И ловят бабочек детишки,
и загорают три сестры,
мужчины раздают картишки
и чертят «пулю» для игры.

Грибами жареными пахнет
укропом окроплённый пар.
К столу! По сто. Заесть. Упали
все беды прошлого, пропав

там, за высокими горами,
там, за глубокими долами.
А здесь рыбалка по утрам и
здесь никаких проблем с делами.

Вот так мечтается порою
ночной бессонною порою
и так захочется, не скрою,
чтоб кто-нибудь...

Нет, чтобы ты...

Дежа вю

Там, где в траве лежал велосипед, –
скамейка: два пенька, доска меж ними;
где паровоз классический сипел
и проносился мимо в млечном дыме,

где сросся со скворешней старый клён,
опавший осенью, поздней – заледенелый,
где думал, что влюблён (и был влюблён),
где снег ложился белый, белый-белый...

Там всё по-прежнему: лежит велосипед,
под клёном двое мнутя неумело,
скворешни с паровозом только нет,
и белый-белый снег – небелый.*

* Стихотворение разбито на строфы и предложения.

* * *

Как повеет под вечер полынью духмяной,
остывая от ржавой жары,
синий вечер от речки и перечной мяты,
под сурдинку нудят комары.

Хорошо, босиком огородной тропинкой
(полотенце и веник с собой)
пробираясь к соседке, чтоб баньку стопила,
рифмовать на предбанник любовь.

Будет ночь (самогон и с прослойками сало,
малосольные огурцы)
нежным словом не больно до сердца касаться,
как ромашкой к подошвам босым.

Сельский дзен

Курится, жмурится, спит на ходу, т.е. стоя,
столик под яблоней, пчёлка нестрашно гудит.
Я и Судзуки, пиала с пахучим настоем,
котёнок, глядящий на бабочку, в общем, – буддизм.

Город – вонючий – плевать мне, что непоэтично.
«Лучше там, где нас нет» – то, что это враньё,
сидя на яблоне, спела мне только что птичка,
и самовар на веранде об этом поёт.

Утром ходил на рыбалку, а днём – за грибами.
С грибами – облом, а карасей наловил.
Соседская Таня на ужин нажарит в сметане –
будет прилично, и повод зайти для любви.

Коровы бредут по домам, утомлённые солнцем.
Вечернее вымя символизирует жизнь.
Природа буддизма – природа. Все мы спасемся.
Я просто сижу, а Судзуки – просто лежит.

Ранние сумерки с баннным дымком и смородиной.
Чую: у Тани в сметане скворчат караси.
Встать и идти огородами маленькой родины.
С Родиной мне повезло: подгадал – на Руси.

* * *

Всю ночь курил и тихо матерился,
бросая недочитанный журнал,
чтоб осушить глаза. И начинал,
точнее, продолжал. Супец варился.

По-русски. В русской печке. Сам собой.
Всё закидал. Поставил. Утром кушай.
Роман же продолжался. Про любовь,
про нас с тобою. Будто кто подслушал.

Как будто кто со свечкой подсмотрел.
Как будто в душу кто залез и вынул
зачки все (ну хоть бы половину!).
Всю ночь горел, как шапка на воре.

Всю ночь курил, сквозь зубы матерясь.
Роман же хэппи-эндом завершился.
Ну, слава богу! Это не про нас.
Супец готов. Наваристый, душистый.*

* Стихотворение разбито на строфы.

* * *

Начав повторяться, – понимаешь: пора
бросить перо. Заняться дельным делом с утра,
например – ловлей бабочек, перечитав сперва
русского дворянина, игравшего так в слова,
что его скраблы – перлы английского языка,
только пикап без денег – это как в дурака
без козырей – шансов сырых – зеро.
Так что кончай повторяться и подыми перо.

* * *

Звуки «Французской сюиты»
Себастиана Баха
посередине деревни, среди ископаемого
картофеля
настолько сюрреалистичны, что думаешь
о прибабахах,
о происках Женщины в Белом
по прихоти Мефистофеля.
Но Бах не кончается: мучайся...
клавир хорошо темперирован,
полифония органа
меняется с фортепиано,
и, поднятый этой музыкой,
летишь, из контекста вырванный,
вслед лету, из леса ушедшему,
за Бахом Себастианом.

* * *

Отдыхаю в деревне, варю картошку
да вдыхаю озон с табаком вперемешку.
Забываю город, работу, более
того, я забыл про горе.
Каждым утром по лесу бегаю кроссом.
Пахнет августом, армией и берёзой.
Без будильника точный подъём в полшестого.
Идут на выпас коровы
и мычат, и чешут бока об заборы,
и хозяйки кладут хворостины с прибором.
А в тумане – знаешь, как голос гулок...
Подъём. Ровно в шесть – бегу я.
У меня под участком течёт речушка,
и как только из лесу возвращусь я –
два ведра на грудь, в самом лучшем смысле, –
разом усталость смыли.
И такой мажор, будто это – счастье.
Заварю покрепче и выпью чая.
И такая вкусная первая «Прима» –
даже не знаю прямо...
Денег нет, но нет и проблем, что покушать:
в огороде растёт любая петрушка.
Сигарет и чаю привёз бесщётно,
книги есть, а чего ещё-то?

А потом мне расскажет своё Бертран Рассел.
Мы уже добрались с ним до Мора с Эразмом.
Сам себе удивляюсь: мне всё понятно,
чернеют белые пятна.

А когда стемнеет, курю на крылечке,
наблюдаю звёзды сквозь дыма колечки.
Подойдёт овчарка, щёку полижет
и рухнет ко мне поближе.
Одиночество, знать, и собакам знакомо.
Мы вдвоём, прижавшись, молчим о ком-то.
Или ни о ком, просто так молчим мы.
Чистое небо лучисто...

* * *

Как небо глубоко и как голубооко.
Как локон облака растрёпан, одинокий.
В высоком голубом – знакомый голубь.
Он дорог глазу до слезы, до спазма.
В такие дни легко пустует память,
и даже глупость нет ума подумать,
но только пить глазами это небо,
что глубоко и в ночь голубооко.

* * *

Я здесь был хронически счастлив,
в себя уходил далеко...

С корзинкой грибов возвращаясь,
холодное пил молоко.

В предбаннике жил я. За стенкой –
чистилище – пламенный рай.

Ночами я вкусные пенки
с премудрых страниц собирал.

Количество суток в молчанье
на качество жизни души
я здесь перевёл, я был счастлив –
весёлые вирши вершил.

Кадила ботва огородов:
дым сладок, и горек, и сиз.
Я был ежедневно свободен,
как мало кто был на Руси.

За берег закинулось солнце,
а в бане берёзы зажглись...
Умыться созвездьем – высоты
на розововодье легли.

* * *

Я не видел Альп и Гималаев,
Каракум не видел и Сахары.
Под окном моя цепная лает –
просит белый сахарный сухарик.

За оградой банька с огородом,
под которым прыткая речушка.
Не гулял я Римом благородным
и французской кухни не расчуhal.

Не купался в Средиземном море,
слышал звон: Гавайи и Багамы.
Червячка сморивши «Беломором»,
научался нищим жить богато.

Для чего так жить? – Ответа нету.
Книжный шкаф – Вергилий и Сусанин –
в ночь ведёт меня по белу свету
и от света чёрного спасает.

* * *

У подорожника – чёрный стержень.
Что это значит? – что время вышло,
что у реки закалился стрежень,
что по ночам больше звёзд под крышей...

Значит, что август камзол примерил:
впору пришёлся, нашёл красивым, –
дело за золотом позумента,
злато-червонным, за жёлто-синей
поверху оторочкой. Франту
щедро дано выбирать в витринах:
леса сияющие караты
рос в паутинах, звёзд в паутинах...

Лето прошло. Начинался август,
месяц груздей – точно мысли – чёрных.
Выйди во двор, посиди на лавке,
где «Р+Л...» – результат зачёркнут...

Вот прилетают скворцы – всё видят.
А улетают? Когда? Кто знает?
Вечер и ветер – накинём свитер.
...Тот результат был неравен с нами.

* * *

Листва уже желала желтизны, –
к началу августа ей надоело лето:
легонько лечь, уснуть и видеть сны
про яблоки... Мне так понятно это.

И листья тоже люди – оглянись –
есть жадные за жизнь, а есть ленивцы,
есть беглецы... шел зеркалом среди них:
в меня смотрелись золотые лица.

* * *

Чёрный платочек в красный горошек
да с золотыми кистями по краю...
Ты говорила: «Ты мой хороший» –
и янтарями глаза разгорались.
Долгие зори, кипевшие бурно
в пене черёмухи, в неге сладчайшей...
Ты говорила: «Ты позабудешь...»,
в зелень заката глядя печально.
Жизнь раскидала карты не в масть мне:
нервом истончен, сердцем источен...
Бог милосерд, и приснился мне мальчик –
приобнимает плечо под платочком.

* * *

Бывает так, что жгучая тоска.
Слова, слова... А мысль? А мысли нету.
Слова, слова – достоинство поэта,
но вот ещё бы знать наверняка
какую-нибудь мысль. Да поэтично
преподнести. Ломается строка,
и непонятно – принц ты или нищий.

* * *

Восстань посредине чернухи,
к стеклу с амальгамой шагни,
широко от уха до уха
назло всем смертям улыбнись.

И где пресловутое жало?
Жить можно, пока на верхах
прощают за глупость и шалость
и не воздают по грехам.*

Жить можно, покуда насущный
зелёный крепчайший чаёк,
Вергилий по смыслам и сути,
и муза по жизни поёт.

Жить можно с улыбкой – хотя бы
затем, чтобы смерти назло
хрустально-червонный сентябрь
тебе улыбался светло.

Чтоб летом и тёплым, и бабьим
в лесу на коленях стоять,
молиться с ножом пред грибами,
размеренный плеерным Бахом,
грибам улыбаться, дышать,

* *Строфа представляет собой аллюзию на Первое послание к Коринфянам (15:55-57), однако апостол Павел рассуждает о смерти и грехе в совершенно ином контексте.*

вдыхать увороваанный воздух
на выдохе с рифмой простой.
Жить можно, покуда не поздно
и счастье пустить на постой.

Проститься с дурной полосой,
с разумною встретиться вдруг.
Зелёным китайским настоем
приветствовать свет поутру.

Жить можно, а значит – жить буду.
Забудем плохое. В душе
мы с вами... Хорошие люди
простят нас. Простили уже.

* * *

Тихо. В речку плюхается жаба,
будто камень падает с горы.
Вдалеке бензопила визжала
да заглохла. Тихо. Комары
кончились. Сентябрь к середине.
Положив под попу «Новый мир»,
целый день Алёнушкой сидит здесь
Altra ego, Муза* . Mon amie, –
сентябрист, далёкий от народа, –
к норду – безмоторный тихий флот:
узкие ивовые пироги
и кленовый флагман – красный плот.
На лету влюбляются стрекозы
(значит, нету никакой зимы?!).
Тихо. Слышен шёпот тростниковый,
ни о чём не навевая мысль.
Тише. Дело к вечеру. По жанру
холодает, и луна взошла.
Изо рта невозмутимой жабы –
две слюды, два неба, два крыла.

* Строка адресует читателя к эссе И.Бродского «Altra Ego» (1990 г.)

* * *

Корова чешет шею о пихту:
башка в репьях, болтается болтало.
Вот гуси у ручья заготовали.
Взошло светило. Осветило ту –
ту сторону реки, чей берег скальный
порос желто-зелёною тайгой.
Как здорово жить снова, жить другой,
здоровой жизнью: утром с мужиками,
что скупы на слова, пить чёрный чай,
что скулы сводит, возводить стропила,
шкурить стволы и ощущать, как сила
любви к Живому крепнет, что ни час.
Окликнет кто-нибудь: «Эй, слышь, мужик,
подай топор!» – дурачки загордишься.
И вот уже не нужно теодиций.
Чтоб просто жить, жить нужно просто. Жить.*

* Стихотворение разбито на строфы. Первая строка второй строфы исправлена с целью предотвращения сбоя ритма.

* * *

Живу в предбаннике, меж книжек. Жизнь – по мне.
При мне топчан, со мною чай и чайник,
и по ночам царапины спине
на память дарит веник, измочалась
во исступлении. И наступает сон,
в нём – пережитый день: берёзы, грузди
и облака, летящие в воде,
на север убегающей. Сны в руку.
Покуда не замёрз ещё сентябрь...
Ещё фортуны виден полупрофиль...
И бабочка лимонная в гостях
на баночке с повидлом и напротив.

Душа гуляет

Косое солнце в утреннем лесу,
играют в краски радужные листья.
Вновь напоказ выносит на весу
рябина несгораемые кисти.

С пригорка в лог спускается туман,
не устояв пред наступленьем света.
В субботу – осень. Через день – зима.
Но пятница сегодня – бабье лето.

И ни о чём не хочется просить,
настолько всё дано сиюминутно,
но, Боже мой, как дьявольски красив
твой чёрный груздь под росным перламутром!

И мухоморов красные цветы –
в Валгаллу приглашающие двери.
Как просто быть счастливым, если ты
не просишь, не надеешься, не веришь,
а просто в осень мимо суеты
идёшь без грусти. Грузди приземляют.
Коленопреклонён телесно ты.
Душа гуляет.

* * *

Краплёный красной краской лес:
осенний лист с осиным свистом
с осины, с ветки, золотистый
сорвётся и прильнёт к земле.

Как славно в раннем сентябре
по полусонному полесью
под солью солнца в поднебесье
идти, шуршать листвой, добреть,
прозреть, простить и проще стать.
Да, как природа, опроститься.
Читать небесные страницы
и листья липкие листать.

* * *

Длинный прозрачный сентябрь
греет кленовые бубны.

Что-то, наверное, будет.

Что-нибудь будет. Хотя бы

вечер. Губная гармошка
барда, слепца-инвалида,
растормошит понемножку
душу, – и та разболится

сладкой пугающей грустью,
сущностью бабьего лета,
что так предсмертно и лепо,
что так твоё и по-русски.

Грусть, о дословно-заочном
слепо-немые догадки...

Вот потому между строчек –
белых пробелов оградки.

Это об этом гармошка
знает, поёт, но боится,
что хоть кому-то поможет,
тайной проговорится.*

* Стихотворение разбито на строфы.

* * *

Я вспомнил: мне снились опята
и кто-то такой молодой,
ни разу еще не женатый...

Я вспомнил, как первый ледок
на лужах, на жёлтых лужайках
хрусталиком звонким хрустел,
опята в лукошке лежали,
и ветер свистел в бересте.

Я вспомнил гранат костяники –
холодный и кислый огонь,
и кедры, и пихты меж ними,
и воздух, цежёный тайгой,
замшелый и влажный валежник,
и храм муравьёв в полный рост,
и золото солнца прилежно
рассыпалось в рос серебро.

Я вспомнил: он шёл, притомившись...
Калёную воду в реке...

Я многое вспомнил, помимо
когда это было...

...и с кем.*

* Стихотворение разбито на строфы иначе, чем в первоначальном авторском варианте.

* * *

Пляспигали и елисеи
мне ни разу и не приснились,
но со мною случались книги,
и я тоже случался с ними.

Христианчики или ессеи
никуда мне не упирались,
и совсем я не знал Рассеи,
но Сибирь хоть немного знаю.

Лучше всех здесь – ранняя осень,
бабье лето с шалью навывпуск.
Перекличка: банты и косы,
пиджачки пацанов на вырост.

Небеса, окосев от света
перед мрачностью туч грядущих,
греют спины листвы и веток,
заодно согревая души.

Птичий компас – к югу на небе.
Нувориши уже отбыли.
Я живу на юге Сибири –
юго-западе, если точнее.

Вспомни юг, когда дунет вьюга,
вспомни запад, в сугроб сморкаясь.
В елисеях – они не пьют там
самогон гранёным стаканом.

Этим хвастаться – мимо денег,
я к тому же – мёртво-непьющий...
Просто нечего мне там делать.
Абсолютно и вопиюще.

* * *

Октябрь приходит решительно и по-хозяйски,
шарит в ветвях, срывает лишние листья,
дует на воду, и чёрному озеру зябко,
падкий на всё, что тепло, приволок стылый ливень,
и, перейдя в затяжную свинцовую морось,
морит листву, замешав её, чавкая, в слякоть.

Мрачные тучи с опухшей синюшною мордой...
Уж поскорей бы мороз, уж поскорее бы к ляду
эту промозглость и эти пригоршни за ворот,
мокрые ноги, бронхит и хронический насморк,
это безвременье, смуту, где осень в фаворе,
и безобразие грязное. Холода нам бы,
снега... Но утром проснёшься и видишь
там, за стеклом, безвоздушность, пустое пространство,
будто всю ночь кто-то пил, а под утро всё выпил
небо, оставив ничто, то есть просто прозрачность.

Оттрафаречены чётко деревья по склонам,
взгляд устаёт, недоплыв, в горизонт утопает.
Солнце сквозь сомкнутость век отливает зелёным.
Так наступает ноябрь, так октябрь отступает.
Можно сказать: бабья осень. Безветренный холод.
Днём посмотревши на небо, его не заметишь.
Солнечный круг к пустоте непонятым приколот –
жёлтой звездой над нестрашной осеннею смертью.*

* Стихотворение разбито на строфы.

* * *

Стоял четверг. Сулились холода.
На юг бежали пасмурные птицы.
Кончались сигареты и вода.
Калитка не захлопнута, и злится
собака: скрипу отвечает лай.
Похмелие. Такие вот дела,
что ничего достойного пера.
Сижу, стенографирую безделье.
Но нет воды. Вручивши два ведра,
ступаю до колонки рукодельной –
нехитрым способом извлечь из-под земли
грунтовых вод в объёме двадцать литров.
Стоит четверг. И в небе журавли.
Хотя я сомневаюсь, журавли ли.*

* Стихотворение разбито на строфы иначе, чем в первоначальном авторском варианте.

* * *

Лес, опустевший без комаров,
птичьего пенья, листвы (почти) —
это конец октября. Покров* .
И хорошо одному идти,
хрупая снегом, крутой тропой,
дабы согреться, припомнив дни,
где, убелённые той же крупой,
здесь же гуляли вдвоём одни.

* *Поэтическое допущение. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы —
непереходящий в церковном календаре и всегда отмечается 14 октября.*

* * *

А помнишь, как пахли опилки
на маленькой пилораме,
как они жарко вспыхивали,
как дрова разгорались

быстро (как ты) и весело,
как пела печка протяжно,
как первые звёзды вечера
подмигивали нам влажно...

А помнишь топчан, сколоченный
в три плахи сухого кедра, –
широких (но узких ночью), –
три скрипки в серьёзном скерцо...

А помнишь, как утром завтракали
дарами тайги и речки:
октябрьскими карасиками,
последними сыроежками...

А баньку по-белому тёмную,
не знавшую электричества,
с тайгой и рекой за стёклами,
с любовью (Её Величеством)?..*

* Из уважения к авторскому выбору стихотворение, как и в прижизненных публикациях Руслана, печатается без заключительного четверостишия.

* * *

Я вспомнил детство и отца...
Есенина зелёный томик
читает, курит без конца.
Зубами скрипнет – и на столик
отложит книгу. Посидит,
ладонями лицо закрывши...
Мне было года два, поди,
но вот глаза закрою – вижу.

И первая любовь к стихам
моя – конечно же, Есенин.
На розовом коне скакал
под кущею зелёной сени
годов, наверное, с восьми –
сейчас уже не помню точно.

.....
.....

Прошли года... Сейчас и здесь
уже ни в чём врага не вижу,
но я наполовину есть –
из этой самой первой книжки.

И... хорошо. Спасибо, жизнь!
Тобой недаром был корёжен.
Заканчивая ностальжи,
Вас процитирую, Серёжа:

«Вот и себя я не сберёг
Для тихой жизни, для улыбок.
Как мало пройдено дорог,
Как много сделано ошибок...»*

* Из уважения к авторскому выбору стихотворение, как и в прижизненных публикациях Руслана, печатается в сокращении.

* * *

Весь день среда как будто бы стоит.
Часы идут как будто бы вперёд.
В пустой машине – толстый индивид.
И музыка прекрасная поёт.
Из школы выбегает малышня.
Выгуливает таксу старичок.
У Таньки близнецы – не от меня.
Не знаю, что могу сказать ещё.

Стихотворения, публикуемые впервые

«Прояснилось. Снег прошёл. Хорошо...» (с. 6)

Март (с. 9)

«Бывает время штиля...» (с. 22)

«Истоптавши столько башмаков...» (с. 25)

«Солнечное масло облаков...» (с. 28)

«Чёрный платочек в красный горошек...» (с. 44)

«Бывает так, что жгучая тоска...» (с. 45)

«Восстань посредине чернухи...» (с. 46)

«Тихо. В речку плюхается жаба...» (с. 48)

«Длинный прозрачный сентябрь...» (с. 53)

«Стоял четверг. Сулились холода...» (с. 58)

Содержание

Ерофеев С. Апостол «здесь-небытия».....	4
«Прояснилось. Снег прошёл. Хорошо...».....	6
«Идёшь, собачий лай минуя...».....	7
«Хочу, чтобы – лето сейчас...».....	8
Март.....	9
«Нас пустила бабушка на постой...».....	10
«Телесен вечер тесных тёплых встреч...».....	11
«Апрельский день – прозрачный и высокий...».....	12
«Небо, нарисованное кошкой...».....	13
«Сирень сизокрыла, и семь голубей...».....	14
«Дружить с цветами, кошками... Любить...».....	15
«Импрессия сирени. Утро. Сад...».....	16
Без ума.....	17
«В краю апостольства задумчивых берёз...».....	18
Как пишутся стихи.....	19
Ода даче.....	20
«Птахи утром песни распевают...».....	21
«Бывает время штиля...».....	22
«Можно стать тише, тише, ещё потише...».....	23
«В Сибири. Летом. Жарко. Ты – лежишь...».....	24
«Истоптавши столько башмаков...».....	25
«По синему лугу сквозь млечный туман...».....	26
«Милые лилии белые...».....	27
«Солнечное масло облаков...».....	28
Июль.....	29
Дежа вю.....	30
«Как повеет под вечер полынью духмяной...».....	31
Сельский дзен.....	32
«Ах, зачем слишком громко стрекозы...».....	33
«Всю ночь курил и тихо матерился...».....	34
«Начав повторяться, – понимаешь: пора...».....	35
«Звуки "Французской сюиты"...».....	36
«Отдыхаю в деревне, варю картошку...».....	37
«Как небо глубоко и как голубооко...».....	39

«Я здесь был хронически счастлив...»	40
«Я не видел Альп и Гималаев...»	41
«У подорожника – чёрный стержень...»	42
«Листва уже желала желтизны...»	43
«Чёрный платочек в красный горошек...»	44
«Бывает так, что жгучая тоска...»	45
«Восстань посредине чернухи...»	46
«Тихо. В речку плюхается жаба...»	48
«Корова чешет шею о пихту...»	49
«Живу в предбаннике, меж книжек. Жизнь – по мне...»	50
Душа гуляет	51
«Краплёный красной краской лес...»	52
«Длинный прозрачный сентябрь...»	53
«Я вспомнил: мне снились опята...»	54
«Пляспигали и елисеи...»	55
«Октябрь приходит решительно и по-хозяйски...»	57
«Стоял четверг. Сулились холода...»	58
«Лес, опустевший без комаров...»	59
«А помнишь, как пахли опилки...»	60
«Я вспомнил детство и отца...»	61
«Весь день среда как будто бы стоит»	63
Стихотворения, публикуемые впервые	64

На первой странице обложки –
рисунок Олеси Ходаковой (Новокузнецк)

Тираж – 50 экз.

Издательство «Ник без Компані»